Труды Киевской Духовной Академии

Профессоръ Петръ Ивановичъ Линицкій († 12 іюня 1906-го года).

Σωφροσύνῃ ἀρετῇ μεγίστῃ.
Πράκλειτος ap. Stob.

12-го іюня текущаго года, въ 10 ч. утра, скончался отъ рака въ печени, на шестьдесятъ седьмомъ году, отъ рожденія, заслуженный ординарный профессоръ Кіевской Духовной Академіи, докторъ богословія, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Петръ Ивановичъ Линицкій.

Внѣшняя сторона жизни покойнаго профессора не сложна, потому что его общественная дѣятельность, въ теченіе сорока съ лишкомъ лѣтъ, отъ школьной скамьи и до могилы, всецѣло сосредоточивалась въ Академіи, и это — главная черта его внѣшней біографіи, въ значительной степени характеризующая его цѣльную, послѣдовательную натуру.

Сынъ священника Харьковской епархіи (род. 23 ноябр. 1839-го года), П. И. Линицкій получилъ образованіе въ Ахтырскомъ дух. училищѣ, Харьковской дух. семинаріи и Кіевской дух. Академіи, которую окончилъ въ 1865 году съ званіемъ магистра богословія; въ томъ же году конференціей (?) Академіи избранъ и подлежащею властью утвержденъ въ должности преподавателя философскихъ наукъ въ родной Академіи; 13 января 1867 г. утвержденъ въ званіи баккалавра; 13 іюня 1869 года, на основаніи новаго академическаго устава, переименованъ въ доцента; 18-го мая 1871 г. утвержденъ, по избраніи, въ званіи экстраординарнаго профессора; 7-го января 1877 года, по представленіи и публичной защитѣ диссертаціи „Ученіе Платона о Божествѣ“,—въ

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

ученомъ званіи доктора богословія; 30-го апрѣля того же года—въ званіи ординарнаго профессора. До 1887-го года Петръ Ивановичъ занималъ въ Академіи каѳедру исторіи философіи, а въ этомъ году (16-го августа), согласно собственному желанію, перемѣщенъ на каѳедру логики и метафизики; кромѣ того, въ разное время, за отсутствіемъ или болѣзнью преподавателей, временно преподавалъ, по порученію Совѣта Академіи, логику (въ $187^{0}/_{1}$ и $188^{6}/_{7}$ ак. гг.), метафизику (въ $187^{1}/_{2}$ и $187^{8}/_{9}$ ак. гг.), педагогику (въ $187^{2}/_{3}$ ак. г.) и патрологію (въ $187^{6}/_{7}$ и $187^{7}/_{8}$ ак. гг.). Съ 17 января 1897 г. и до кончины состоялъ членомъ академическаго Правленія. Почти одновременно съ преподавательской началась и научно-литературная дѣятельность почившаго профессора, продолжавшаяся непрерывно до самой кончины: смерть застала его за обработкою систематическаго курса философіи, который, по замыслу автора, долженъ бы заключать въ себѣ итоги его продолжительной работы въ области философіи.

Въ лицѣ Петра Ивановича философскую каѳедру въ Кіевской Дух. Академіи въ теченіе сорока лѣтъ занималъ человѣкъ дѣйствительно съ философскимъ складомъ ума и характера. Непрерывная, напряженная, неутомимая работа *мысли* была основнымъ содержаніемъ его внутренней жизни, а изложеніе философіи на академической каѳедрѣ и на страницахъ книги или журнала—главнымъ фактомъ его внѣшней біографіи, и если содержательную жизнь богато одареннаго духовными силами человѣка можно сравнить съ поэмой или симфоніей, то Leitmotiv'омъ той съ виду скромной и монотонной, но внутренно сложной и разнообразной симфоніи, какую представляла собой жизнь покойнаго П—ра Ив—ча, было освѣщеніе всѣхъ элементовъ и проявленій жизни философской мыслью: онъ смотрѣлъ на вещи и явленія sub specie aeternitatis.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

Существуетъ два типа писателей, будутъ ли то поэты, критики, философы, различающіеся другъ отъ друга по характеру творчества: одни постоянно ищутъ, переходя въ своихъ исканіяхъ отъ одного воззрѣнія или настроенія къ другому, нерѣдко противоположному (Бѣлинскій, Гротъ); другіе, остановившись на опредѣленной точкѣ зрѣнія, порою не безъ напряженныхъ усилій, затѣмъ уже не сходятъ съ нея во всей послѣдующей дѣятельности, направляя послѣднюю къ углубленію и разъясненію основного принципа, а также къ проведенію его во всѣ сферы жизни и дѣятельности (Гончаровъ, кн. С. Трубецкой). Покойный Петръ Ивановичъ принадлежалъ къ мыслителямъ второго типа: уже на студенческой скамьѣ онъ остановился на томъ философскомъ направленіи (раціонализмъ), которому остался вѣренъ во всю послѣдующую жизнь. Выборъ направленія былъ результатомъ напряженной работы собственной мысли, питавшейся изученіемъ сочиненій древнихъ и новыхъ философовъ (особенно Платона и Аристотеля, Канта и нѣмецкихъ идеалистовъ первой половины XIX вѣка). Непосредственное вліяніе академическаго преподаванія въ этомъ отношеніи на Петрѣ Ив—чѣ не отразилось, во-первыхъ, потому, что, по складу своего ума, онъ не былъ склоненъ подчиняться вліянію окружающихъ: онъ былъ „одинодумъ“, а во-вторыхъ, и потому, что время обученія его въ Академіи было переходнымъ временемъ въ отношеніи къ преподаванію философіи: извѣстный профессоръ П. Д. Юркевичъ въ серединѣ $185^1/_2$ ак. года перешелъ въ Московскій университетъ, такъ что П. Ив—чъ слушалъ его всего одно полугодіе; а П. Г. Рублевскій, замѣнившій Юркевича, не могъ вліять на своихъ учениковъ опредѣляющимъ образомъ потому, что лишь въ январѣ 1862 года началъ преподавать философію; къ тому же онъ все время, по видимому, посматривалъ вонъ изъ Академіи, которую и покинулъ въ 1865 году, перешедши на службу по министерству Нар. Просв. (въ Варшавскій уч. округъ). Такимъ образомъ

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

П. Ив. былъ въ области философіи αὐτοδίδακτος. Насколько онъ овладѣлъ философіей въ теченіе академическаго курса, объ этомъ можетъ свидѣтельствовать его курсовое сочиненіе о „различныхъ направленіяхъ нѣмецкой философіи послѣ Гегеля въ отношеніи ея къ религіи“, доставившее автору степень магистра богословія и впослѣдствіи, уже въ 1887 г., напечатанное авторомъ, съ нѣкоторыми дополненіями, въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ подъ псевдонимомъ *И. Петровъ*. Здѣсь разсматриваются воззрѣнія Краузе, Шеллинга и правой стороны гегеліанской школы, представляющія собою опытъ примиренія теизма съ пантеизмомъ,—Штрауса, Фейербака и матеріалистовъ (атеизмъ) и представителей реалистическаго направленія въ послѣгегеліанской философіи, Гербарта и Бенеке (деизмъ). Достаточно ознакомиться съ этимъ сочиненіемъ, чтобы убѣдиться, что П. Ив. вступилъ на философскую каѳедру съ основательной подготовкой. Двадцатилѣтнее преподаваніе исторіи философіи, основанное на внимательномъ изученіи подлинныхъ сочиненій древнихъ и новыхъ философовъ (кромѣ древнихъ языковъ П. Ив. читалъ на трехъ новыхъ) и сопровождавшееся ознакомленіемъ съ современной философской литературой, сдѣлало П. Ив—ча полнымъ хозяиномъ въ области философіи: не было философа, съ которымъ бы онъ не былъ знакомъ, и притомъ по подлиннымъ сочиненіямъ, самымъ основательнымъ образомъ. Когда, въ 1887 г., онъ перешелъ на каѳедру метафизики, то эта каѳедра нашла въ его лицѣ выдающагося представителя: мало того, что онъ былъ спеціалистомъ въ области философіи,—у него было собственное, строго опредѣленное и вполнѣ сложившееся, міросозерцаніе. И тѣмъ не менѣе двадцать лѣтъ преподаванія Петромъ Ив—чемъ метафизики были непрерывнымъ трудомъ надъ дальнѣйшей обработкой своей системы. Это былъ замѣчательно добросовѣстный профессоръ, не знавшій отдыха до могилы. Каникулы для него не были отдыхомъ: во время каникулъ онъ обыкновенно приготовлялъ курсъ

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

для будущаго учебнаго года, начало котораго заставало П. Ив—ча уже съ готовымъ, отъ начала до конца написаннымъ его рукою, курсомъ. Проходилъ учебный годъ, наступали новыя каникулы, но для Петра Ив—ча опять не было отдыха: онъ принимался, по указаніямъ опыта минувшаго года, за пересмотръ своего курса, который подвергался теперь болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіямъ. Иногда замѣчавшіяся измѣненія были настолько значительны, что П. Ив., отложивъ въ сторону прошлогоднюю редакцію курса, писалъ его заново отъ начала до конца, такъ что среди оставшихся послѣ его смерти рукописей находится нѣсколько редакцій курса логики и метафизики. Одна изъ этихъ редакцій напечатана въ 1901 году въ Кіевѣ подъ заглавіемъ: „Основные вопросы философіи“. Печатая эту книгу, П. Ив. склоненъ былъ смотрѣть на нее какъ на заключительный итогъ его работы въ области философіи, но неугомонная мысль не переставала работать: съ тѣхъ поръ курсъ былъ заново переписанъ не одинъ разъ, и смерть, какъ мы уже упоминали, застала неутомимаго труженика за новой переработкой курса, „на этотъ разъ уже окончательной“, прибавлялъ П. Ив. Собесѣдники отвѣчали улыбкой. Однако на этотъ разъ переработка дѣйствительно оказалась окончательной...

Можно бы думать, что чтеніе лекцій, послѣ тщательной каникулярной подготовки, не составляло для П. Ив-ча никакого труда. На дѣлѣ былъ не такъ. Полагая въ основу своихъ чтеній курсъ, заготовленный въ теченіе каникулъ, П. Ив. внимательно обдумывалъ каждую отдѣльную лекцію и, послѣ тщательнаго приготовленія, излагалъ ее съ каѳедры живою рѣчью, иногда имѣя подъ рукою каротенькій конспектъ лекціи. Ученики П. Ив-ча, безъ сомнѣнія, хорошо помнятъ манеру его изложенія—тихую, плавную, неторопливую, обдуманную рѣчь, которая производила такое впечатлѣніе, что здѣсь, на каѳедрѣ, передъ глазами слушателей, все еще продолжается работа мысли, начатая въ ученомъ кабинетѣ,

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

продолжавшаяся во время перехода отъ квартиры до академіи. Такъ и было на дѣлѣ. Оттого лекціи П. Ив-ча, которыя—слѣдуетъ прибавить—были яснѣе и живѣе его печатныхъ статей, дѣйствовали на мысль внимательныхъ слушателей возбуждающимъ образомъ, и они, думаемъ, никогда не забудутъ часовъ, проведенныхъ въ общеніи ихъ молодой мысли съ зрѣлою мыслью своего профессора философіи. Лекціи П. Ив-ча производили впечатлѣніе философской симфоніи, разыгрывавшейся на глазахъ у слушателя. Ученики какъ бы вводились въ философскую лабораторію профессора, которая была для нихъ живою школою умственнаго труда... И если Рубинштейнъ, говорятъ, вставалъ иногда въ изнеможеніи изъ-за рояля, на которомъ исполнялъ пьесу Листа или свою собственную, такъ и П. Ив. покидалъ аудиторію утомленнымъ напряженною работою мысли. По его собственнымъ словамъ, каждая лекція стоила ему большого умственнаго напряженія, и потому утомляла его. Когда, въ 1897-мъ году, въ своемъ рефератѣ о „положеніи и нуждахъ нашего духовнаго, преимущественно высшаго, образованія“ (напечатанъ въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ за 1897 г., а также отдѣльными оттисками) П. И. говорилъ о „необходимости продолжительнаго отдыха послѣ долговременнаго напряженнаго труда“, какъ такой потребности человѣка, служащаго дѣлу духовнаго просвѣщенія, объ удовлетвореніи которой необходимо подумать въ интересахъ огражденія служителей дух. просвѣщенія „отъ тягостныхъ случайностей борьбы за существованіе“ (отд. оттискъ, стр. 25), онъ, безъ сомнѣнія, основывался на своемъ собственномъ опытѣ: самъ авторъ не былъ огражденъ отъ тягостныхъ случайностей борьбы за существованіе, и отдыхъ отъ напряженнаго труда нашелъ только въ могилѣ...

Принципы, на которыхъ построено міросозерцаніе Петра Ив—ча, раскрывавшееся въ его академическихъ лекціяхъ

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

и печатныхъ сочиненіяхъ, можно представить въ слѣдующемъ видѣ [1]).

Настойчиво подчеркивая раціоналистическій характеръ своей философской системы, П. Ив. раскрываетъ входящія въ составъ ея понятія, постоянно имѣя въ виду противоположность двухъ основныхъ философскихъ направленій—раціонализма и эмпиризма, проходящую черезъ всю исторію философіи: сущность раціонализма выясняется черезъ противоположеніе ему эмпиризма.

„Эмпиризмъ признаетъ основнымъ началомъ познанія [2]) *чувственное воспріятіе*, органами котораго служатъ внѣшнія чувства, а также чувство внутреннее, и нераздѣльно соединенныя съ ними способности: память и *воображеніе*. Что воспринято чувствомъ (ощущеніе или впечатлѣніе), чрезъ посредство памяти преобразуется и воспроизводится воображеніемъ въ видѣ *представленія*. Посему представленіе эмпиризмъ признаетъ основною элементарною формою познанія. Представленія, постепенно накопляясь, образуютъ группы, такъ называемыя ассоціаціи. Чувственное воспріятіе, память и воображеніе составляютъ первичное, свойственное природѣ человѣка основаніе познанія. Напротивъ, языкъ есть свободное произведеніе человѣка, его изобрѣтеніе". Сообразно съ сказаннымъ нужно различать „двоякаго рода формы познанія": а) представленіе, какъ естественную, или психологическую, образуемую присущими природѣ человѣка психическими условіями, форму познанія, и б) свойственныя

---

[1]) При характеристикѣ философскаго міросозерцанія Петра Ив—ча пользуемся главнымъ образомъ его книгой „Основные вопросы философіи" (Кіевъ, 1901 г.); соотвѣтствующія страницы указываются въ текстѣ.

[2]) Основное начало познанія—это, „то, что служитъ первоначальнымъ, *единымъ* (т. е. тождественнымъ у всѣхъ субъектовъ познающихъ) и *неизмѣннымъ*, всегда имѣющимся во всякомъ познаніи основаніемъ его" (31).

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

научному познанію словесно-логическія формы, какъ формы познанія искусственныя, произвольно созданныя человѣкомъ (31—32). Съ этой точки зрѣнія формальная сторона познанія неотдѣлима отъ его матеріальныхъ элементовъ (ощущеній): „ощущенія сами собою, чрезъ посредство памяти, преобразуются въ представленія и образуютъ ассоціаціи, а ассоціація представленій и есть“ простѣйшая „форма познанія“ (43), къ которой сводятся другія, болѣе сложныя формы. Такъ, сужденіе, съ точки зрѣнія эмпиризма, есть „ассоціація представленій, или—иначе—соединеніе терминовъ, обозначающихъ представленія, въ одну связную рѣчь, именуемую предложеніемъ“. То, что сообщаетъ сужденію = предложенію характеръ именно *познанія*, т. е. выраженія предмета, отличнаго отъ самихъ представленій, которыя, вѣдь, сами по себѣ суть наши субъективныя состоянія, подобно чувствованіямъ и желаніямъ,—короче: то, что сообщаетъ сужденію *объективный* характеръ, это, по Юму, есть вѣра въ реальность представленій, входящихъ въ составъ сужденій, которая, въ свою очередь, имѣетъ свой источникъ „единственно въ живости, крѣпости и силѣ чувственныхъ воспріятій (срав. ощущеніе боли и воспоминаніе этого самаго ощущенія)“ (42—44). „Въ формальной двойственности сужденія“ эмпиризмъ „усматриваетъ антропоморфизмъ“: „различая въ себѣ самомъ движущую силу“ (волю) „отъ ея обнаруженій“, человѣкъ то же различіе переноситъ и на всѣ вещи, уподобляя все мыслимое, или—что, съ эмпиристической точки зрѣнія, одно и то же—представляемое себѣ самому; отсюда двойственный составъ сужденія—субъектъ и предикатъ (46). Что касается *понятій*, то эмпиризмъ, признавая существо вещей непознаваемымъ, тѣмъ самымъ отрицаетъ понятіе, какъ особую форму мышленія; на мѣсто понятій полагаются имена (номинализмъ), обозначающія, впрочемъ, не единичное, а общее. Это послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Кіевской Духовной Академіи

память——крѣпче удерживаетъ признаки, которые чаще повторяются при обозрѣніи вещей“ (47—48).

Средствомъ для обоснованія сужденій служитъ умозаключеніе: умозаключеніе—это обоснованное сужденіе. Однако сужденіе, служащее основаніемъ для другого, въ свою очередь, нуждается въ обоснованіи. „Восходя мысленно отъ одного основанія къ другому, мы наталкиваемся на вопросъ о первоначальномъ и всеобщемъ основаніи всякихъ сужденій“ (49). Эмпиризмъ такимъ основаніемъ признаетъ опытъ, въ связи съ чѣмъ „основнымъ, первоначальнымъ и пожалуй единственнымъ методомъ научнаго изслѣдованія“ считаетъ индукцію (49), сущность которой состоитъ въ томъ, что „привычка постоянно находить——въ дѣйствительности одни явленія всегда въ одинаковомъ сочетаніи (отношеніе совмѣстности), другія—происходящими всегда въ томъ же порядкѣ (отношеніе послѣдовательности), внушаетъ намъ увѣренность, что и впредь, на будущее время, продолжится неопредѣленное время тотъ же порядокъ вещей, что тѣ же единообразія въ отношеніяхъ вещей, какія доселѣ были, будутъ существовать и въ послѣдующее время“ (50—51).

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что познанію придается въ эмпиризмѣ характеръ психическаго или—точнѣе—психофизіологическаго процесса, который совершается самъ собою, подобно всякимъ инымъ отправленіямъ въ нашемъ организмѣ (52). О самостоятельномъ значеніи мышленія, какъ активной дѣятельности человѣческаго духа, съ этой точки зрѣнія не можетъ быть рѣчи, равно какъ не можетъ быть рѣчи и о нормативномъ характерѣ законовъ мышленія: они замѣняются законами ассоціаціи. Съ эмпирической точки зрѣнія разумъ, въ сущности, не отличающійся отъ воображенія (182), есть созданіе опыта (184) и, какъ таковое, представляетъ лишь послѣдующее наслоеніе и образованіе въ нашей духовной организаціи (35). Значеніе мышленія сводится къ тому, что оно служитъ средствомъ „къ упорядо-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

ченію и систематизаціи готовыхъ знаній, добытыхъ путемъ опыта" (56), а также къ сообщенію этихъ знаній отъ одного лица къ другому. Разъ отрицается самостоятельное значеніе мышленія, и философія теряетъ свое самостоятельное значеніе: она отличается отъ наукъ спеціальныхъ (опытныхъ) лишь по объему, а не по содержанію и задачѣ: „что каждая спеціальная наука дѣлаетъ въ отношеніи къ изучаемымъ ею явленіямъ—систематизируетъ ихъ, обобщаетъ, сводитъ ихъ къ немногимъ общимъ законамъ,—ту же самую задачу выполняетъ философія въ отношеніи къ самимъ наукамъ, т. е. продолжаетъ далѣе ихъ дѣло: добытыя ими положенія сводитъ къ еще болѣе общимъ, и чрезъ то отдѣльныя науки являются членами единой объединяющей ихъ системы" (57). Такой взглядъ на характеръ и значеніе философіи сводится, въ сущности, къ отрицанію ея, какъ самостоятельной науки. Да иначе и не можетъ быть тамъ, гдѣ устраняется идея безусловнаго: въ сущности, всѣ философскіе вопросы сводятся къ вопросу о безусловномъ, и потому устраненіе идеи безусловнаго равносильно отрицанію философіи (178—180). Мало того, эмпиризмъ ведетъ въ концѣ концовъ къ отрицанію самой науки, потому что ея обобщенія и выводы, съ эмпирической точки зрѣнія, не могутъ имѣть аподиктическаго значенія: это—приблизительныя обобщенія,—не больше. „Ясно,—заключаетъ П. Ив. характеристику эмпиризма,—что эмпиризмъ, какъ направленіе, которое ведетъ къ отрицанію не только философіи, но и науки въ высшемъ значеніи этого слова, недопустимъ въ философіи" (181).

Таковъ окончательный приговоръ Петра Ивановича надъ эмпиризмомъ.

Въ противоположность эмпиризму, раціонализмъ признаетъ разумъ коренной и самой существенной принадлежностью природы человѣка, а мышленіе—первичной и необходимой основой познанія (36). Познаніе постольку есть по-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

знаніе, а не просто психическое переживаніе, поскольку оно понимается, какъ отношеніе познающаго къ бытію познаваемому (39), но то, что дѣлаетъ познаніе познаніемъ въ этомъ смыслѣ, заключается не въ психологическихъ условіяхъ познавательнаго процесса и не въ осуществленіи его, а въ томъ значеніи, какое мы усвояемъ продуктомъ познавательнаго процесса, что, въ свою очередь, предполагаетъ ту или другую *оцѣнку* этихъ продуктовъ (40). Оцѣнка продуктовъ познавательнаго процесса не съ точки зрѣнія благополучія человѣка, а главнымъ образомъ съ точки зрѣнія общей системы бытія, съ точки зрѣнія міропорядка, составляетъ функцію мышленія, которая по существу есть дѣятельность оцѣнивающая (118, ср 138—139, 179): „различеніе существеннаго и важнѣйшаго отъ несущественнаго и второстепеннаго есть дѣло мышленія“ (179). Если же мышленіе есть дѣятельность оцѣнивающая, то должны быть какъ нормы оцѣнки, такъ и законы, опредѣляющіе правильное совершеніе мыслительнаго процесса: такою нормою служитъ идея истины, а законами такъ называемые законы мышленія. Въ основѣ идеи истины лежитъ присущее нашей природѣ стремленіе къ истинѣ, которое получаетъ характеръ идеи черезъ то, что оно мыслится (115). Необходимость для ума человѣческаго идеи истины свидѣтельствуетъ, что обычное пониманіе этой идеи—въ смыслѣ согласія знанія съ бытіемъ—не простая случайность, не предразсудокъ, а коренное убѣжденіе человѣческаго разума. Говорятъ, необходимый признакъ истины—не согласіе съ бытіемъ, а согласіе съ субъективными условіями познаванія, но, вѣдь, „самъ субъектъ“, съ присущими ему условіями и требованіями познаванія, есть часть бытія, и притомъ важнѣйшая, которая „заключаетъ въ себѣ все, что есть наиболѣе существеннаго въ бытіи вещей, а потому согласіе съ условіями познаванія“, изъ коихъ главное есть требованіе строгой систематической связи въ изслѣдованіи и построеніи добытыхъ изслѣдованіемъ знаній, „должно припи-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

мать въ качествѣ признака и ручательства въ томъ, что согласіе съ бытіемъ также достигнуто" (44—95). И по Канту, настоящій критерій достовѣрности заключается въ принудительномъ мышленіи: „мышленіе ручается за дѣйствительность необходимо мыслимаго" (148). Съ этой точки зрѣнія логическая необходимость то же, что необходимость объективная, ибо „логическая необходимость характеризуется тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ признаніе реальности понятія, мыслимаго такимъ образомъ, т. е. какъ необходимое" (163) Конечно, и „мышленіе не свободно отъ ошибокъ, и въ такомъ случаѣ" оно, „разумѣется, не совпадаетъ съ мыслимымъ содержаніемъ, но когда такимъ содержаніемъ служитъ то, что съ необходимостью мыслится, какъ такое, а не иное, то мышленіе съ такимъ содержаніемъ совпадаетъ съ бытіемъ, т. е. содержитъ въ себѣ необходимое признаніе реальности мыслимаго" (163—164).

Если мышленіе, такимъ образомъ, есть дѣятельность цѣлесообразная, имѣющая своею конечною цѣлью постиженіе истины, то законы мышленія, въ отличіе отъ психологическихъ законовъ ассоціаціи, должны имѣть нормативный характеръ: это—такіе законы, которые, будучи „приведены въ ясность сознанія, получаютъ характеръ правилъ", имѣющихъ для нашего мышленія руководственное значеніе (52 - 53).

Съ этой точки зрѣнія получаютъ особое освѣщеніе всѣ стороны познавательнаго процесса.

Если эмпиризмъ отожествляетъ сужденіе съ предложеніемъ, то раціонализмъ настаиваетъ на ихъ коренномъ различіи: въ сужденіи мы, какъ еще разъяснилъ Аристотель, выражаемъ бытіе или небытіе (есть, не есть,—утвержденіе, отрицаніе), тогда какъ въ формѣ предложенія мы выражаемъ также желанія и чувствованія (44). Если эмпиризмъ въ сущности отрицаетъ понятіе, поставляя на его мѣсто общее для многихъ сходныхъ предметовъ названіе, то раціонализмъ видитъ въ понятіи важнѣйшую логическую форму, выражаю-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

щую единство (=согласіе, совпаденіе) мышленія съ бытіемъ или—такъ какъ такое единство достижимо лишь по отношенію къ бытію существенному, а не феноменальному—выражающую самое существо предмета (46—47). Если эмпиризмъ основнымъ методомъ признаетъ индукцію, то раціонализмъ, считая послѣднимъ основаніемъ знанія апріорныя начала нашего разума (напр., законъ причинности), значеніе основного метода усвояетъ уже не индукціи, а дедукціи. Въ связи съ этимъ измѣняется взглядъ и на характеръ самой индукціи: сущность индукціи, по раціоналистическому пониманію,—не въ увѣренности, что впредь продолжится привычный порядокъ вещей, а въ томъ, что она опирается на такихъ понятіяхъ (субстанціональности и причинности), которыя выражаютъ собою не простые навыки, а необходимые законы мышленія. „Потому только и возможно (предъ чѣмъ недоумѣвалъ Д. С. Милль), что иногда бываетъ достаточно одного факта (вмѣсто повторенія многихъ одинаковыхъ случаевъ, безъ чего привычка не можетъ образоваться) для полученія общаго заключенія“ (51).

Въ частности, соотвѣтственно тремъ типамъ мышленія—*математическому*, особенность котораго—умственное созерцаніе, *опытному*, особенность котораго—чувственное воспріятіе и созерцаніе, *философскому*, имѣющему характеръ отвлеченнаго, иначе рефлективнаго мышленія, слѣдуетъ признать три главныхъ метода: а) дедуктивный, по преимуществу синтетическій, какъ восходящій отъ простого къ сложному, б) индуктивный, по преимуществу аналитическій, какъ движущійся отъ сложнаго къ простому, и в) методъ аналитико-синтетическій, или методъ понятій, раздѣляемыхъ и вмѣстѣ соединяемыхъ, по возможности, въ одну систему: „система есть необходимая форма, въ которой слагаются и объединяются результаты, добываемые путемъ аналитико-синтетическаго изслѣдованія въ видѣ опредѣленій и выводовъ“ (51—52). Вмѣстѣ съ тѣмъ, „строгая систематическая связь въ изслѣ-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

дованіи и построеніи добытыхъ изслѣдованіемъ знаній—важнѣйшій критерій достовѣрности, ибо, при систематической связи, отдѣльныя положенія, взаимно поддерживаясь и подкрѣпляясь одно другимъ, чрезъ то усиливаютъ присущую каждому въ отдѣльности убѣдительность". Наоборотъ, „безпорядочность, отсутствіе всякой систематической связи—признакъ сновидѣній, иллюзій, галлюцинацій" (95).

Спеціальную область приложенія аналитико-синтетическаго метода представляетъ философія, которая, по раціонализму, имѣетъ своею задачею не простую систематизацію главнѣйшихъ выводовъ спеціальныхъ наукъ (тогда бы она по существу, равно какъ и по методу не отличалась отъ этихъ послѣднихъ), а раскрытіе самаго существа вещей въ системѣ понятій (56—57, ср. 81, 190—191), и если гдѣ необходима систематическая форма изслѣдованія и изложенія, такъ это именно въ философіи: „систематическое раскрытіе всѣхъ послѣдствій и отношеній, связанныхъ съ извѣстнымъ принципіальнымъ положеніемъ философіи, даетъ возможность вполнѣ оцѣнить его важность, усмотрѣть его преимущества и недостатки" (96).

Изъ всѣхъ понятій, съ которыми имѣетъ дѣло философія, самое главное—понятіе *бытія*, вслѣдствіе чего самымъ главнымъ философскимъ вопросомъ слѣдуетъ признать вопросъ о сущности бытія, а самой главной философской дисциплиной—метафизику, какъ имѣющую дѣло съ этимъ именно вопросомъ. Что касается вопроса о сущности познанія, то онъ сводится къ опредѣленію цѣнности познанія: „выражаетъ ли оно собою нѣчто, или ничего не выражаетъ", другими словами: въ какомъ отношеніи оно находится къ бытію, а такъ какъ этого отношенія невозможно опредѣлить, не имѣя въ виду бытія, то, очевидно, вопросъ о сущности познанія не можетъ быть рѣшенъ независимо отъ изслѣдованія вопроса о сущности бытія: „вопросъ о сущности вещей и вопросъ о познаніи взаимно предполагаютъ другъ

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

друга", а потому гносеологія не можетъ существовать, какъ самостоятельная наука: она имѣетъ смыслъ лишь въ связи съ метафизикой, какъ наукой о сущности бытія. Кто отрицаетъ познаваемость вещи въ себѣ, а слѣд. и метафизику, тотъ долженъ, оставаясь вѣрнымъ себѣ самому, отрицать и познаніе, а слѣд. гносеологію: познаніе есть познаніе, а не простое психическое переживаніе, постольку, поскольку оно имѣетъ отношеніе къ бытію познаваемому; „съ устраненіемъ этого отношенія уничтожается и само познаніе", а слѣд. теряетъ смыслъ и гносеологія, какъ наука о познаніи (см. стр. 37—39).

Если теперь сравнить принципы раціоналистической философіи съ принципами философіи эмпиристической, то окажется, что они исключаютъ другъ друга, а потому о какомъ-либо синтезѣ этихъ двухъ направленій не можетъ быть и рѣчи (181): можно ли говорить о синтезѣ раціонализма съ эмпиризмомъ, когда эмпиризмъ отрицаетъ какъ разъ то, чему раціонализмъ усвояетъ высшую цѣнность въ области бытія и знанія, именно—разумъ и философію?! Да, съ точки зрѣнія раціонализма, эмпиризмъ отрицаетъ философію, ибо убиваетъ жизненный нервъ философствованья—стремленіе познать существенное въ бытіи. Правда, эмпиризмъ пытается на мѣсто старой, метафизической, философіи поставить новую—такъ называемую научную или позитивную, но мы уже видѣли, что съ точки зрѣнія П. Ив—ча такая философія лишена значенія: она имѣетъ лишь видъ философіи, это—не подлинная или—что тоже—поддѣльная философія (см. стр. 190).

Относясь къ эмпирической *философіи* съ рѣшительнымъ отрицаніемъ, раціонализмъ отнюдь не отрицаетъ эмпирической *науки*, поскольку она ограничиваетъ свою задачу изслѣдованіемъ фактовъ, или феноменальной стороны бытія. „Философія, по словамъ П. Ив—ча, должна принимать все цѣнное въ эмпиризмѣ", однако самое право оцѣнки принад-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

лежитъ въ концѣ концовъ мышленію: обобщенія эмпирической науки пріемлемы постольку, поскольку ими „не отрицается самое существенное въ раціонализмѣ: это существенное есть разумъ съ его апріорными началами“ (140). Въ настоящее время, напримѣръ, въ біологіи господствуетъ идея эволюціонизма, которую эмпиризмъ пытается сдѣлать основнымъ принципомъ философскаго построенія. Съ точки зрѣнія раціонализма эта попытка подлежитъ безусловному осужденію, ибо она ведетъ къ отрицанію разума, какъ начала самостоятельнаго: съ эволюціонной точки зрѣнія разумъ есть продуктъ эволюціи (191). Такое отрицаніе достается, впрочемъ, эмпиризму не дешево: оно покупается цѣной внутренняго противорѣчія. Въ самомъ дѣлѣ, разъ разумъ—начало измѣнчивое, можно ли усвоять устанавливаемымъ имъ законамъ, въ частности, закону эволюціи, черты всеобщности и неизмѣнности? Конечно, нѣтъ, но вѣдь въ такомъ случаѣ законъ эволюціи теряетъ значеніе закона, ибо законъ, по самому понятію о немъ, выражаетъ постоянное и неизмѣнное отношеніе (69). Въ частности, раціонализмъ не считаетъ своею задачею оцѣнку дарвинизма съ точки зрѣнія его соотвѣтствія съ фактами: это—дѣло натуралистовъ, но поскольку дарвинизмъ переступаетъ границы строго фактическаго изслѣдованія, онъ подлежитъ раціональной оцѣнкѣ, которая опирается на разсмотрѣніе логическаго отношенія между принципами даннаго ученія и выводами изъ нихъ. Съ этой стороны „главный недостатокъ теоріи Дарвина“ состоитъ въ томъ, что въ ней „обращается вниманіе лишь на внѣшнія условія существованія организмовъ,—предполагается, что инстинкты образовались подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій“, тогда какъ „безъ внутренняго побужденія къ самосохраненію были бы невозможны никакіе инстинкты и самая борьба за существованіе“ (63), и сколько бы ни накоплялось фактовъ, подтверждающихъ то или другое частное положеніе въ теоріи Дарвина, они не въ силахъ устранить отмѣченнаго не-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

достатка, потому что онъ касается ея логической структуры, а не фактической основы. Равнымъ образомъ, если бы удалось изобрѣсти способъ изъ мертвыхъ матеріаловъ произвести живое вещество, этимъ, съ точки зрѣнія раціонализма, вопросъ о происхожденіи жизни отнюдь не рѣшался бы: такое открытіе обозначало бы, что матерія на самомъ дѣлѣ не мертва, а обладаетъ жизнію, только скрытою, т. е. въ данномъ случаѣ мы имѣли бы передъ собою не первичное возникновеніе жизни, а лишь переходъ ея изъ одного состоянія въ другое (61).

Если въ современной біологіи основнымъ принципомъ является законъ эволюціи, то въ современной соціологіи „господствуетъ мысль о фундаментальномъ значеніи матеріальныхъ потребностей“, равно какъ объ „устроеніи матеріальныхъ условій жизни въ духѣ справедливости, равной для всѣхъ“ (191). Поскольку этимъ ученіемъ основныя понятія разума признаются произведеніемъ матеріальныхъ факторовъ, оно непріемлемо для раціонализма, тѣмъ болѣе, что въ ходѣ разсужденій защитниковъ указаннаго взгляда замѣчается логическій кругъ: считая всѣ понятія, въ томъ числѣ и понятіе справедливости, измѣнчивымъ продуктомъ извѣстнаго строя экономической жизни, они въ то же время дѣлаютъ это понятіе критеріемъ при оцѣнкѣ существующаго строя экономической жизни. Спрашивается: что же чему подчинено—понятіе справедливости строю экономической жизни или, наоборотъ, этотъ послѣдній понятію справедливости? (70). Усвояя понятію справедливости нормативное значеніе, экономическій матеріализмъ измѣняетъ, по мнѣнію П. И—ча, своимъ собственнымъ основоположеніямъ, подобно тому, какъ эволюціонизмъ впадаетъ въ самопротиворѣчіе, возводя идею эволюціи въ значеніе мірового закона, всеобщаго и неизмѣннаго. Тѣмъ не менѣе въ *извѣстныхъ предѣлахъ* экономическій матеріализмъ пріемлемъ и для раціонализма: „несомнѣнно, что для осуществленія великихъ духовныхъ цѣлей необходимо прежде всего благоустройство

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

матеріальной стороны жизни, что при убожествѣ и нищетѣ не можетъ подвигаться впередъ и преуспѣвать и духовное развитіе“ (191).

Приведенныхъ примѣровъ достаточно для уясненія отношенія раціонализма къ выводамъ эмпирической науки: не отрицая этихъ выводовъ, раціонализмъ лишь отводитъ имъ соотвѣтствующее мѣсто въ системѣ познанія, руководясь тою оцѣнкой, какую даетъ имъ мышленіе, которому, какъ мы видѣли, принадлежитъ право окончательной оцѣнки въ области знанія и бытія. Въ данномъ отношеніи раціонализмъ шире эмпиризма, потому что онъ принимаетъ все цѣнное въ эмпиризмѣ, тогда какъ послѣдній относится къ принципамъ раціонализма съ безусловнымъ отрицаніемъ. А такъ какъ раціонализмъ, въ сущности, лишь уясняетъ понятія, заложенныя въ душѣ человѣка (81), то онъ долженъ быть близокъ душѣ человѣка, и онъ, по убѣжденію П. Ив—ча, будетъ близокъ ей, если только она не перенесетъ центра своего вниманія извнутри ко-внѣ. Уясняя понятія, заложенныя въ душѣ человѣка, философія—разумѣется, раціоналистическая, потому что только она и можетъ быть названа подлинной философіей—тѣмъ самымъ способствуетъ самосознанію человѣка (41—42), а такъ какъ, въ свою очередь, самосознаніе служитъ основою для самообладанія, въ которомъ главнымъ образомъ проявляется могущество духа, то—и самообладанію. Если Бэконъ основою человѣческаго могущества считалъ эмпирическое знаніе, то Петръ Ивановичъ то же самое значеніе придавалъ мышленію: и по нему, scientia est potentia, но прежде всего и главнымъ образомъ—философское знаніе, которое пріобрѣтается путемъ размышленія. Отданный самъ работѣ мышленія, Петръ Ив—чъ старался возбуждать эту работу и въ другихъ, прежде всего въ своихъ ученикахъ. Съ этою цѣлію онъ давалъ имъ для семестровыхъ сочиненій темы такого характера, которыя требовали для своей разработки не столько кропотливаго собиранія матеріала, сколько размышленія надъ

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

даннымъ вопросомъ, и если встрѣчалъ въ сочиненіи проблески самостоятельнаго мышленія, то очень радовался этому; слабость же логическаго мышленія въ его глазахъ не уравновѣшивалась ни трудолюбіемъ, обнаруженнымъ въ собираніи матеріала, ни блескомъ изложенія. Время отъ времени покойный учитель обращался къ ученикамъ съ призывомъ, и этотъ призывъ неизмѣнно былъ призывомъ къ мышленію. Мы хорошо помнимъ тѣ слова, съ которыми обратился Петръ Ивановичъ на послѣдней лекціи къ студентамъ XLV курса (21-го апрѣля 1890-го года). „Вотъ я,—говорилъ профессоръ,—составилъ вамъ конспектъ по логикѣ и метафизикѣ. Здѣсь поставлены самые общіе вопросы. Матеріала для отвѣта на нихъ у васъ достаточно: вы изучали психологію, исторію философіи, логику и метафизику. Самаго поверхностнаго вниманія къ предлагавшимся вамъ чтеніямъ по логикѣ и метафизикѣ достаточно, чтобъ пробудилась ваша собственная мысль. Это-то и важно. Разъ мысль пробудилась—не давайте ей засыпать. На основаніи того матеріала, который имѣется въ вашемъ распоряженіи, постарайтесь составить *свой* отвѣтъ на тотъ или другой вопросъ программы, *свое* мнѣніе по данному вопросу. Съ этими отвѣтами и приходите на экзаменъ. Пусть ваши отвѣты будутъ ошибочны или недостаточны,—это не бѣда: ошибки можно исправить, пробѣлы пополнить, лишь бы только мысль не переставала работать... Значеніе философскаго образованія въ томъ и состоитъ, что оно пробуждаетъ мысль. Философія, особенно метафизика, не даетъ безспорныхъ выводовъ, но за то она держитъ мысль въ постоянномъ возбужденіи, и притомъ—на извѣстной высотѣ,—она заставляетъ человѣка быть *мыслящимъ* человѣкомъ. Это такой человѣкъ, который не живетъ чужими мнѣніями, потому ли, что они стары, потому ли, что они новы; онъ—врагъ рутины, равно какъ и моды; онъ трудится надъ выработкой собственныхъ убѣжденій, выработавши которыя дорожитъ

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

ими, какъ самымъ цѣннымъ своимъ достояніемъ... Мыслящій человѣкъ скажется и въ практической дѣятельности: это человѣкъ, который дѣйствуетъ не по влеченію обстоятельствъ, не по общепринятымъ обычаямъ, а на основаніи собственныхъ убѣжденій, выработанныхъ мышленіемъ. Онъ мало думаетъ о пользѣ, да чтобы умѣть изъ каждаго положенія извлекать пользу—для этого не нужно много и упорно работать мыслью: для этого достаточно расчетливости, хитрости, пожалуй безцеремонности... Мыслящій человѣкъ больше всего заботится о томъ, чтобы его жизнь соотвѣтствовала его убѣжденіямъ, и ради этого соотвѣтствія онъ жертвуетъ своею пользою... Онъ сумѣетъ вести разумную жизнь вездѣ, въ какое бы положеніе ни былъ поставленъ обстоятельствами: онъ господствуетъ надъ обстоятельствами, а не обстоятельства надъ нимъ... Вотъ въ чемъ главное значеніе философскаго образованія. Не пренебрегайте же философскимъ образованіемъ! продолжайте его и по выходѣ изъ школы. Желаю вамъ успѣха!“... Такъ говорилъ Петръ Ив—чъ, и въ этихъ простыхъ словахъ онъ сказался весь, съ головы до ногъ: онъ самъ былъ мыслящимъ человѣкомъ, который руководился въ своихъ дѣйствіяхъ собственными убѣжденіями, и такъ какъ эти убѣжденія далеко не всегда совпадали съ убѣжденіями окружающаго общества, въ частности, съ убѣжденіями учениковъ и товарищей (вспомнимъ, что Петръ Ивановичъ по складу своего ума, какъ сказано, былъ однодумъ), то на этой почвѣ могли возникать—и дѣйствительно возникали—разногласія между Петр. Ив—чемъ и его современниками, но они по большей части носили академическій характеръ, не переходя (можетъ быть, за однимъ—двумя исключеніями) въ житейскую борьбу. До какой оригинальности, граничащей съ экцентричностью, доходили иногда воззрѣнія Петра Ивановича по вопросамъ, не имѣющимъ непосредственнаго отношенія къ философіи, объ этомъ можно судить по представленному имъ зимою прошлаго года на разсмотрѣніе ака-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

демическаго Совѣта проекта реформы академическаго образованія, которымъ (проектомъ) предлагается сконцентрировать академическое преподаваніе около одной центральной науки, разъясняющей сущность и условія христіанской жизни, при чемъ, по проекту, преподаваніе этой науки можетъ быть поручено лицу, проникшему въ самый духъ христіанской жизни,—значитъ, богатому опытомъ христіанской жизни и обладающему глубокимъ и сильнымъ мышленіемъ: лучше,—высказывался Петръ Ив—чъ,—оставить эту (центральную-то!) науку совсѣмъ безъ преподаванія, нежели поручать ея преподаваніе лицу, не совмѣщающему въ себѣ всѣхъ условій, необходимыхъ для такого преподаванія... Не любилъ Петръ Ив—чъ и того внѣшняго облика, который налагался на современнаго профессора внѣшними условіями его дѣятельности, да и трудно было представить, чтобы человѣкъ, для котораго кристальная ключевая вода была лучшимъ напиткомъ, и лѣсная земляника лучшимъ лакомствомъ, чтобы этотъ человѣкъ цѣнилъ шумиху громкихъ титуловъ и пестрое разнообразіе орденовъ. И хотя все-таки онъ изрѣдка надѣвалъ станиславскую звѣзду, однако его всегдашнимъ желаніемъ было, чтобы для профессора не было званія выше званія профессора, и чтобы его плечи не облекались чиновничьимъ мундиромъ. Петръ Ив—чъ высоко цѣнилъ культуру, но онъ строго различалъ между дѣйствительными культурными цѣнностями и—иной разъ, можетъ быть, и блестящею—мишурою современной жизни...

Будучи прежде всего и главнымъ образомъ философомъ, не только въ наукѣ, но и въ жизни, Петръ Ив—чъ однако не былъ односторонникъ человѣкомъ: не только философія,—религія, искусство, особенно поэзія и музыка, были близки его, если можно такъ выразиться, многогранной душѣ. Бывало, въ Ахтыркѣ, десятилѣтнимъ мальчикомъ, встанетъ П. Ив—чъ въ 4 часа утра и идетъ въ монастырь къ утрени, и неутомимо стоитъ подрядъ нѣсколько часовъ, восхищаясь благолѣпіемъ мона-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

стырскаго богослуженія. Не только воспоминаніе объ этихъ часахъ,—и любовь къ посѣщенію богослуженія П. Ив. сохранилъ до могилы, хотя церковно-богослужебные обряды и не были для него тѣмъ, чѣмъ они являются для вѣрующаго „угольщика“; онъ и въ храмѣ—оставался философомъ: храмовая обстановка создавала *настроеніе* близости къ Абсолютному Духу, *размышленіе* о которомъ было существеннымъ моментомъ его философствованія. Евхаристія была для него актомъ тѣснѣйшаго единенія духа человѣческаго съ Духомъ Абсолютнымъ; но тонкости догматическихъ споровъ о сущности и значеніи „transsubstantiatio“ представлялись ему малозначительными, равно какъ не придавалъ онъ большого значенія опытамъ соглашенія библейскаго сказанія о міротвореніи съ выводами современнаго естествознанія. Библія не есть „источникъ, изъ котораго должно заимствовать основанія для рѣшенія научныхъ вопросовъ“ [1]); она дорога для вѣрующаго тѣмъ, что содержитъ въ себѣ истины вѣры, т. е. такія истины, которыя, заключая въ себѣ ученіе о Богѣ, въ то же время имѣютъ ближайшее отношеніе къ спасенію души человѣческой. „Эти два признака—отношеніе къ Богу и спасительность для человѣка—и составляютъ необходимый критерій, долженствующій служить къ разграниченію обязательныхъ истинъ вѣры отъ простыхъ мнѣній, которыя могутъ быть принимаемы, но могутъ быть и непризнаваемы, въ зависимости не только отъ того, согласны ли они или несогласны съ ученіемъ вѣры, но также и смотря по тому, оправдываются ли они или не оправдываются данными науки въ современномъ ея состояніи“ [2]). Такъ, въ библейскомъ сказаніи о міротвореніи важна проникающая его идея творческаго отношенія Бога къ міру, а не подробности міротворе-

[1]) П. Линицкій. Есть ли какая-либо связь между религіозной вѣрой и наукою. Харьковъ, 1898. Стр. 7.

[2]) Тамъ же, стр. 11—12; ср. Пособіе къ изученію вопросовъ философіи (Харьковъ, 1892), стр. 69.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

нія, которыя, правда, могутъ давать пищу для любознательности, но не имѣютъ прямого отношенія къ спасенію души человѣческой. Пользоваться же религіознымъ ученіемъ, какъ „средствомъ къ удовлетворенію любознательности", далеко не безопасно: въ такомъ случаѣ оно становится „источникомъ разнообразныхъ мнѣній, долженствующихъ замѣнить собою научное познаніе", и если „впослѣдствіи научное изслѣдованіе приводитъ къ положеніямъ, которыми не только не потверждаются, напротивъ опровергаются мнѣнія, выведенныя изъ религіознаго ученія и на основаніи его построенныя частію для полноты системы, но главнымъ образомъ для удовлетворенія любознательности", тогда неминуемо происходитъ „печальное по своимъ послѣдствіямъ столкновеніе между привычными представленіями". по причинѣ своей связи съ религіознымъ ученіемъ успѣвшими „пріобрѣсти авторитетъ, равный съ авторитетомъ догматическаго церковнаго ученія, и новыми положеніями науки",—столкновеніе, „которое называется борьбою науки съ религіею" [1]). Во избѣжаніи этой борьбы съ ея печальными послѣдствіями нужно строго разграничивать „догматическія истины, признаваемыя Церковью непреложными, и безусловно важныя", отъ тѣхъ „религіозныхъ мнѣній, которыя, не смотря на авторитетъ давности, не могутъ имѣть обязательнаго значенія для всякаго вѣрующаго и въ которыхъ сущность вѣры не заключается" [2]). Критерій для отношенія перваго рода истинъ отъ вторыхъ уже указанъ: это ближайшее отношеніе первыхъ къ спасенію человѣка. Твердая вѣра въ бытіе Абсолютнаго духа и въ безсмертіе человѣческой души, которая была вмѣстѣ съ тѣмъ и философскимъ убѣжденіемъ Петра Ив—ча, побуждала его часто браться за перо для выясненія вопроса объ отношеніи вѣры къ знанію и для раскрытія умозрительныхъ

[1]) Есть ли какая-либо связь..., стр. 7—8.
[2]) Тамъ же, стр. 8

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

основъ христіанскаго богословія. Вопросъ объ отношеніи знанія, высшимъ выраженіемъ котораго служитъ философія, къ вѣрѣ, истины которой составляютъ содержаніе положительнаго богословія, рѣшался Петромъ Ив-чемъ аналогично съ рѣшеніемъ вопроса объ отношеніи философіи къ естествознанію: и тамъ, и здѣсь выводы положительной науки, будь то богословіе, основывающееся на данныхъ Откровенія, или естествознаніе, опирающееся на данныя внѣшняго опыта, пріемлемы постольку, поскольку ими не отрицаются основныя понятія разума, служащія раскрытіемъ апріорныхъ началъ, короче: поскольку ими не отрицается самый разумъ. Это методологическое положеніе не страшно для христіанскаго богослова, потому что содержаніе христіанской вѣры находится въ гармоніи съ апріорными началами разума. Показать эту гармонію—задача христіанской апологетики. Философъ и богословъ, работая каждый въ своей области, тѣмъ не менѣе подходятъ къ выполненію этой задачи, если только не переступаютъ законныхъ границъ своего изслѣдованія: оставаясь въ предѣлахъ философскаго изслѣдованія, философъ раскрываетъ формальныя опредѣленія идеи безусловнаго, въ то время какъ богословъ даетъ содержаніе для заполненія этихъ опредѣленій. Такимъ путемъ достигается единство вѣры и знанія: вѣра ищетъ въ построеніяхъ разума формальной основы для своего содержанія, а разумъ обращается къ вѣрѣ, стремясь къ восполненію своихъ, по необходимости лишь формальныхъ, понятій о Богѣ. Дѣло въ томъ, что раціональное „понятіе о Богѣ, какъ и всѣ иныя понятія, образуемыя разумомъ, также есть только формальное. Чтобы понятіе это могло сдѣлаться выраженіемъ и, такъ сказать, образомъ реальнаго существа, для этого необходимо откровеніе такового существа, обнаруженіе его дѣятельности и свойствъ, что и дѣйствительно намъ дано частію естественнымъ образомъ въ природѣ, а въ особенности сверхъестественнымъ образомъ въ исторіи; откровеніе

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

есть такимъ образомъ необходимое восполненіе несовершенства формальныхъ понятій разума о Богѣ и вмѣстѣ условіе къ ихъ усовершенію“ [1]).

Вѣрный раціоналистическому принципу своей философіи, П. Ив. въ своихъ сужденіяхъ, относящихся къ философіи религіи, выступалъ рѣшительнымъ противникомъ новѣйшихъ попытокъ построить богословскую систему эмпирическимъ методомъ (на основѣ психологическаго и историческаго опыта); въ частности, онъ не признавалъ значенія за мистицизмомъ, какъ такимъ ученіемъ, которое, считая раціональныя опредѣленія несоотвѣтствующими идеѣ безусловнаго, допускаетъ „лишь одно непосредственное отношеніе къ безусловному человѣческой души, состоящее во внутреннемъ чувствѣ общенія и, такъ сказать, сліянія съ нимъ, достигаемаго чрезъ отреченіе отъ себя“ [2]). Отрицательное отношеніе покойнаго профессора къ эмпирическому методу въ богословіи, въ связи съ раціоналистическимъ характеромъ основоположеній его собственной богословско-философской системы, давало поводъ упрекать эту систему въ сухости, безжизненности, формализмѣ,—однимъ словомъ, во всѣхъ тѣхъ недостаткахъ, какіе давнымъ-давно направляются по адресу средневѣковой схоластики. Однако эти упреки нельзя признать справедливыми. Да, П. Ив. давалъ въ своей системѣ главнымъ образомъ формальныя опредѣленія безусловнаго, но онъ, вѣдь, и не обѣщалъ большаго, отсылая за содержаніемъ для заполненія формальныхъ опредѣленій къ откровенію. Значитъ,—скажутъ,—однихъ формальныхъ опредѣленій безусловнаго, данныхъ П—ромъ Ив--чемъ, мало для составленія полнаго понятія о безусловномъ? Конечно, мало, и на это указывалъ самъ же покойный философъ. Вопросъ, значитъ,—при критикѣ богословско-философской системы П—ра Ив--ча,—не

[1]) Пособіе къ изуч. вопр. филос., стр. 70—71.
[2]) Осн. вопр. филос., стр. 177.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

въ томъ, достаточно ли даваемыхъ ею опредѣленій для составленія полнаго понятія о безусловномъ, а въ томъ, насколько правильны эти опредѣленія. Если правильны, то они составляютъ необходимый элементъ полнаго понятія о Богѣ. Скелетъ самъ по себѣ не составляетъ организма, однако и безъ скелета не можетъ быть совершеннаго организма. Цѣните значеніе плоти и крови въ живомъ организмѣ, но не обезцѣнивайте и значенія скелета: врачи, имѣющіе своею задачею поддержаніе жизни въ организмѣ, внимательно изучаютъ скелетъ... Къ сказанному слѣдуетъ прибавить, что статьямъ П—ра Ив—ча по философіи религіи, посвященнымъ главнымъ образомъ уясненію формальныхъ опредѣленій безусловнаго, не чужды ни широта и свѣжесть мысли (хотя бы въ вопросѣ объ отношеніи между религіей и наукой), ни оригинальность и смѣлость сужденій (напр., въ вопросѣ о загробной жизни), а по мѣстамъ, въ особенности тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о значеніи мышленія въ области религіи, хотя и тихое, но глубокое одушевленіе: „тѣ, которые хотѣли бы вовсе исключить изъ области вѣры всякое умозрѣніе,—читаемъ у П. Ив—ча,—очевидно требуютъ, въ сущности, того, чтобы вовсе не мыслить о предметахъ вѣры, по такимъ образомъ предметы эти прямо могутъ сдѣлаться чуждыми для нашей мысли. И, наоборотъ, чрезъ постоянное размышленіе о таковыхъ предметахъ они становятся близкими нашей душѣ, пріобрѣтаютъ власть надъ самыми сокровенными движеніями души и отсюда вліяніе ихъ распространяется на всю жизнь.“ [1]). Когда читаешь эти строки, въ воспоминаніи невольно встаетъ образъ покойнаго профессора, душѣ котораго дѣйствительно былъ близокъ Абсолютный Духъ, потому что былъ для нея предметомъ постояннаго размышленія. Несомнѣнно, приведенныя строки—страничка изъ внутреннихъ переживаній покойнаго учителя... Во всякомъ случаѣ, чтобы правильно судить о позиціи, занятой имъ въ философіи религіи, надо брать его

[1]) Пособіе къ изуч. вопр. филос., стр. 61.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

точку зрѣнія во всей полнотѣ ея приложеній, и тогда передъ нами встанетъ образъ мыслителя, для котораго размышленіе о предметахъ вѣры было не занимательнымъ умствованіемъ, а коренною потребностью духа и существеннымъ элементомъ внутренней жизни...

Съ отроческихъ лѣтъ П. Ив—чъ увлекался художественной литературой. Живой интересъ къ ней сохранился въ немъ до конца жизни. Результатомъ размышленія надъ произведеніями русскихъ писателей служитъ цѣлая книга: „Изящная литература и философія“. Но особенною любовью П—ра Ив—ча въ области искусства была музыка, которую онъ считалъ искусствомъ κατ' ἐξοχήν, чистымъ искусствомъ, потому что она создаетъ опредѣленное настроеніе не содержаніемъ пьесы, а формою сочетанія звуковъ въ мелодіи или гармоніи. Самою совершенною формой музыкальнаго творчества П. Ив. считалъ симфонію, а самымъ великимъ композиторомъ Бетховена, который—сказать кстати—очень привлекалъ П—ра Ив—ча и независимостью своего личнаго характера. Самъ П. Ив. не игралъ ни на какомъ инструментѣ, но съ удовольствіемъ посѣщалъ симфоническіе концерты и по цѣлымъ часамъ заслушивался Бетховенскими пьесами въ исполненіи членовъ своей семьи (*рояль, скрипка*, віолончель). Къ оперной музыкѣ П. Ив—чъ относился нѣсколько пренебрежительно, видя въ ней лишь средство къ *популяризаціи музыки, а популяризаціи искусства*, какъ и популяризаціи философіи, онъ боялся, опасаясь, какъ бы популяризація не повела къ опошленію, къ угожденію вкусамъ толпы. Къ программной музыкѣ, гдѣ „главнымъ достоинствомъ считается не музыкальная красота, а выразительность, характерность“ (Мусоргскій, напр., въ музыкѣ пытается изображать даже безчинство пьяныхъ людей), П. Ив—чъ относился отрицательно, потому что видѣлъ въ ней преступленіе тѣхъ естественныхъ границъ, въ которыхъ музыка, оставаясь музыкой, можетъ достигать наибольшаго совер-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

шенства. П. Ив. раздѣлялъ мысль Лессинга о границахъ, раздѣляющихъ разныя искусства, а потому былъ рѣшительнымъ противникомъ вторженія одного искусства въ область другого, что такъ часто наблюдается въ произведеніяхъ новѣйшаго искусства: если Мусоргскій хочетъ въ музыкѣ живописать, то Нестеровъ стремится своими картинами создать душевное настроеніе, выраженіе котораго по средствамъ лишь музыкѣ [1])... Хотя П. Ив. и высказывалъ убѣжденіе, что истинный художникъ долженъ быть одушевленъ общенароднымъ пониманіемъ жизни, но онъ былъ слишкомъ далекъ отъ того, чтобы требовать отъ композитора лишь гармонизаціи примитивныхъ мелодій народной пѣсни. Когда однажды, пишущій эти строки, прослушавъ какое-то тріо Бетховена, выразилъ желаніе прослушать „Вдоль по улицѣ мостовой", какъ вещь болѣе понятную и сильнѣе дѣйствующую на душу, П. Ив. съ огорченіемъ сказалъ, что предпочитать примитивныя мелодіи народныхъ пѣсень твореніямъ Бетховена—это все равно, что мудрость народныхъ пословицъ ставить выше философіи Шеллинга или Гегеля, и если—тѣмъ не менѣе—П. И. требовалъ отъ художника согласія съ общенароднымъ пониманіемъ жизни, то не въ смыслѣ обязательности для него случайныхъ и временныхъ настроеній, а въ смыслѣ соотвѣтствія лишь духу народному... Вмѣстѣ съ тѣмъ П. Ив. любилъ повторять ту мысль, что истинный философъ долженъ быть любителемъ музыки, потому что чистое мышленіе и чистое искусство,—думалъ онъ,—близки другъ другу, по своему формальному и—вмѣстѣ съ тѣмъ—безкорыстному характеру.

Мышленіе и музыка—это двѣ сферы, которыя были особенно близки духу Петра Ив—ча. Здѣсь былъ онъ у себя дома. За то область практической жизни съ ея неизбѣжными

---

[1]) См. статью П. Ив—ча „Объ искусствѣ" (Труды Кіев. Дух. Акад., 1905, IX).

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

и подчасъ досадными мелочами не совпадала съ кругомъ его живыхъ интересовъ, хотя, конечно, и ему приходилось чувствовать на себѣ силу этихъ мелочей. Тѣмъ не менѣе онъ мало зналъ практическую сторону жизни. Онъ почти никогда не выѣзжалъ изъ Кіева, а въ Кіевѣ ограничивался поддержкой общенія съ небольшимъ кругомъ лицъ. О томъ, что дѣлается за стѣнами аудиторіи и ученаго кабинета, П. Ив. судилъ главнымъ образомъ по газетнымъ извѣстіямъ, и такъ какъ собственнаго опыта за этими стѣнами не было, то его сужденія о различныхъ сторонахъ практической жизни нерѣдко отличались по меньшей мѣрѣ рискованностью; таковы, напр., его сужденія о характерѣ и группировкѣ современныхъ политическихъ партій въ Россіи, высказанныя въ рефератѣ „о началахъ общественной жизни“, прочитанномъ въ „Церковно-историческомъ и археологическомъ Обществѣ“ при Кіевск. Дух. Академіи за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти. Вступая въ сферу практической жизни, П. Ив. вмѣстѣ съ тѣмъ логическое проведеніе своихъ принциповъ осложнялъ соображеніями, вытекавшими изъ психологическихъ мотивовъ, среди которыхъ главное мѣсто занимали, переплетаясь другъ съ другомъ, опасеніе за сохраненіе культурныхъ цѣнностей и въ общемъ пессимистическій взглядъ на человѣчество. Считая культурныя цѣнности созданіемъ избранныхъ индивидуальностей (въ этомъ отношеніи онъ готовъ былъ соглашаться съ Ницше, съ которымъ въ другихъ отношеніяхъ расходился), онъ опасался, какъ бы эти цѣнности не были обезображены и даже погублены въ рукахъ толпы, которая не въ состояніи подняться до пониманія великаго значенія философіи Гегеля, трагедій Шекспира, симфоній Бетховена. П. Ив. очень боялся нарожденія того типа, который уже послѣ смерти покойнаго профессора показалъ Л. Андреевъ въ лицѣ своего Саввы: „А тебѣ человѣка жалко? Останется, не бойся. Ему мѣшаетъ глупость, которой за эти тысячи лѣтъ накопилась цѣлая гора. Теперешніе умные хотятъ

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

строить на этой горѣ,—но, конечно, ничего, кромѣ продолженія горы не выходитъ. Нужно срыть ее до основанія—до голой земли... Уничтожить все: старые дома, старые города, старую литературу, старое искусство"... Въ другомъ мѣстѣ: „Огонь, дядя, учитель хорошій. Ты слыхалъ о Рафаэлѣ?... Ну такъ вотъ. Послѣ Бога, мы примемся за нихъ. Тамъ ихъ много: Тиціаны, Шекспиры, Пушкины, Толстые. Изъ всего этого мы сдѣлаемъ хорошій костерчикъ и польемъ его керосиномъ"... Кто знаетъ Рафаэля и Шекспира, за тѣхъ то не страшно: едва-ли они рѣшатся полить творенія геніевъ керосиномъ, но что толпа можетъ въ порывѣ разрушенія изорвать картины Рафаэля, какъ сжечь творенія Шекспира,—вотъ чего боялся П. Ив., и потому онъ былъ рѣшительно противъ устроенія государства на демократическихъ началахъ. Въ частности, онъ былъ противникомъ парламентаризма, который рѣшаетъ вопросъ объ устроеніи жизни экономической, общественной и политической *механически*, путемъ подсчета голосовъ, отдавая власть въ руки большинства, но развѣ,—спрашивалъ П. И., истина всегда была на сторонѣ большинства?!... Отсюда, впрочемъ, нельзя заключать, будто П. Ив. примирительно относился къ существующимъ порядкамъ у насъ, на Руси. Нѣтъ, его критическій умъ гораздо чаще останавливался на недостаткахъ, нежели достоинствахъ въ дѣятельности учрежденій и лицъ. Вспомнить только его рефератъ о „положеніи и нуждахъ нашего духовнаго образованія". Мы лично хорошо помнимъ его сѣтованія по поводу того, что управленіе духовно-учебными заведеніями сосредочено въ рукахъ чисто бюрократическаго учрежденія (Учебный Комитетъ при Св. Синодѣ), которое менѣе всего склонно считаться со взглядами, напр., академическихъ профессоровъ по вопросамъ духовнаго просвѣщенія. Профессора даже не бываютъ освѣдомлены со стороны Уч. Комитета о предпринимаемыхъ имъ мѣрахъ въ указанной области... И за три—четыре дня до смерти, когда Петру Ив—чу не легко уже было говорить, онъ выражалъ свои сѣтованія по поводу состава предсоборной коммиссіи...

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

Самъ П. Ив. склоненъ былъ объяснять ненормальности въ постановкѣ у насъ учебно-воспитательнаго дѣла и даже въ устроеніи общественной жизни недостаткомъ серьезнаго философскаго образованія, а потому онъ всячески стремился къ тому, чтобы съ своей стороны посодѣйствовать распространенію въ нашемъ обществѣ философскаго образованія. Съ этою цѣлію онъ печаталъ свои статьи, издавалъ философскіе курсы, читалъ рефераты въ различныхъ обществахъ (Церковно-историческомъ и археологическомъ, Педагогическомъ), мечталъ объ изданіи журнала, въ которомъ бы давалось философское освѣщеніе различнымъ явленіямъ современной жизни—научной, художественной, общественной... Въ самые послѣдніе годы (со времени русско-японской войны) П. Ив. оставилъ эти мечты, потому что съ этого времени стали выплывать на поверхность русской жизни такія явленія (революціонныя движенія), съ которыми, по убѣжденію П. Ив-ча, необходимо было бороться, но уже не философскими методами...

Будучи по складу своего ума, какъ уже сказано, однодумомъ, П. Ив. однако не чуждался общенія съ людьми и охотно шелъ на встрѣчу сближенію съ ними на почвѣ общихъ культурныхъ интересовъ. Друзей у него не было, но онъ съ самой живой радостью и съ внимательною предупредительностью гостепріимнаго хозяина встрѣчалъ у себя своихъ добрыхъ знакомыхъ, главнымъ образомъ изъ числа своихъ бывшихъ учениковъ, равно какъ охотно появлялся и у нихъ въ тѣсномъ кружкѣ общихъ знакомыхъ. Въ этихъ собраніяхъ время проходило за обсужденіемъ какого-либо реферата, за музыкой, за оживленной бесѣдой по какому-либо научному или общественному вопросу. Здѣсь П. Ив-чъ оживлялся, и его рѣчь искрилась иногда добродушнымъ юморомъ. Рѣчь шла, помнится, о потребности въ новомъ періодическомъ изданіи (любимая мечта П. Ив-ча). Собесѣдники размечтались, и въ своемъ увлеченіи стали уже подыскивать

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

названіе для будущаго журнала. Одинъ изъ собесѣдниковъ сталъ горячо развивать ту мысль, что журналъ долженъ послужить мостомъ между церковными элементами общества и безцерковной интеллигенціей. Кто-то подхватилъ слово мостъ и предложилъ (конечно, шутя) назвать журналъ „мостомъ". „Нѣтъ,—замѣтилъ П. Ив.,—будемъ скромнѣе: назовемъ его *перекладиной*"... Въ сношеніяхъ съ тѣми людьми, съ которыми у покойнаго не было личнаго знакомства, онъ былъ сдержанъ, но неизмѣнно вѣжливъ. Въ выраженіи своихъ сужденій—будь то въ оффиціальныхъ или частныхъ собраніяхъ—былъ прямъ, даже рѣзокъ, хотя рѣзкость никогда не переходила въ грубость: онъ былъ слишкомъ культуренъ для того, чтобы быть грубымъ. Конечно, было бы неправдой сказать о немъ, что онъ „льна курящагося не угашалъ", и мы этой неправды не скажемъ. Онъ, напр., прямо, а порою и рѣзко, высказывался о студенческихъ сочиненіяхъ или поступкахъ, и если послѣдніе не считалъ соотвѣтствующими достоинству студента и Академіи, не затруднялся передъ предложеніемъ рѣшительной мѣры—уволить студента изъ Академіи. Человѣкъ мысли, онъ былъ противъ того, чтобы рѣшающій голосъ, который, по его убѣжденію, долженъ принадлежать мышленію (припомнимъ, что мышленіе, по Петру Ив—чу, дѣятельность оцѣнивающая), передавать чувству,—онъ былъ противникомъ сентиментализма въ литературѣ и жизни, и если сентиментализмъ склоненъ возводить въ значеніе добродѣтели „такъ называемое благодушіе", то П. Ив. считалъ его „качествомъ болѣе отрицательнымъ, чѣмъ положительнымъ (недѣланіе никому зла), означающимъ собою болѣе слабость воли, чѣмъ дѣйствительную любовь къ добру: любовь снисходительна и терпѣлива, но вмѣстѣ съ тѣмъ и настойчива; упорствуетъ въ дѣланіи добра, не взирая ни на какія препятствія къ тому" [1]). За то какъ радо-

[1]) Осн. вопр. филос., стр. 106.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

вался П. Ив., если онъ замѣчалъ въ студентѣ проблески научнаго интереса, особенно въ области философіи!

Характеристика покойнаго профессора была бы неполна, если бы мы въ заключеніе не отмѣтили его любви къ дѣтямъ. Онъ готовъ былъ съ ними гулять, играть, разговаривать по цѣлымъ часамъ. Для него самого было удовольствіемъ обрадовать дѣтей, не только своихъ, рождественскимъ или именинным подаркомъ, когорый онъ не затруднялся самъ принести и преподнести какому-либо малышу. И малыши любили „своего“ профессора. Такъ радость профессора-философа объединялась въ одномъ потокѣ съ наивною радостью малыхъ дѣтей...

Жизнь Петра Ив—ча не была свободна отъ разнаго рода огорченій, но онъ умѣлъ переносить эти огорченія съ замѣчательнымъ самообладаніемъ. Онъ совмѣщалъ въ себѣ лучшія качества стоическаго мудреца, смягченныя христіанскимъ міросозерцаніемъ. Но въ послѣдніе годы жизни, со времени злополучной русско-японской войны, настроеніе П—ра Ив—ча замѣтно измѣнилось, и порою, казалось, онъ терялъ душевное равновѣсіе. Почти до самаго окончанія войны онъ былъ убѣжденъ въ ея благополучномъ исходѣ, и его раздражали сужденія противоположнаго характера, высказывавшіяся многими изъ его постоянныхъ собесѣдниковъ. Тѣмъ тяжелѣе было ему пережить несчастный исходъ войны. Тутъ сказалось, какъ были близки его душѣ радость и горе родины... А послѣ войны революціонныя движенія росли и росли, забастовки рабочихъ и учащихся стали обычнымъ явленіемъ, проникли и въ духовныя Академіи. Все это глубоко огорчало П—ра Ив—ча, который,—теперь это было очевидно,—обладалъ впечатлительной душой. Въ оцѣнкѣ совершающихся событій онъ сталъ расходиться съ тѣми, съ кѣмъ раньше готовъ былъ итти рука объ руку, и чѣмъ отрицательнѣе становилось его отношеніе къ конкретнымъ

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

проявленіямъ освободительнаго движенія, тѣмъ примирительнѣе относился онъ къ „старому порядку“... Въ январѣ текущаго года у него произошло столкновеніе со студентами изъ-за того, что онъ рѣзко отозвался о студенческой забастовкѣ. Маститому профессору пришлось пережить много огорченій. Онъ сдѣлался молчаливѣе и замкнутѣе; въ его рѣчи чувствовалось иногда раздраженіе, и умное, выразительное лицо рѣже озарялось добродушной улыбкой. Родная страна переживала кризисъ, и онъ, ея вѣрный и преданный сынъ, несъ на себѣ хотя и неизбѣжныя, но все-таки тяжкія болѣзни переходнаго времени. И не легко ему было нести ихъ, потому что онъ мрачно смотрѣлъ впередъ... Тѣмъ временемъ забирала силу надъ вообще крѣпкимъ организмомъ давняя болѣзнь, о существованіи которой покойный и не подозрѣвалъ (ракъ печени); до самой смерти онъ думалъ, что у него застарѣлая малярія, и мечталъ, оправившись, ѣхать въ деревню на отдыхъ... Вскорѣ послѣ Пасхи П. Пв. слегъ и не вставалъ до самой кончины. Силы постепенно слабѣли, но больной почти до конца сохранялъ ясное сознаніе и живой интересъ къ событіямъ академической, церковной и политической жизни... До послѣдняго дня онъ жилъ интересами того дѣла, которому отдалъ всю свою жизнь, и умеръ на своемъ посту, оставивъ намъ завѣтъ непрерывной работы мысли и непоколебимой преданности своимъ убѣжденіямъ.

Тѣло покойнаго въ самый день кончины было перенесено Преосвященнымъ Платономъ, Ректоромъ Академіи, въ Св.-Духовскую церковь Братскаго монастыря. По пути гробъ былъ внесенъ въ библіотечную залу академическаго корпуса, гдѣ была совершена краткая литія, передъ которой Преосв. Платонъ, обратясь къ гробу учителя, сказалъ нѣсколько сердечныхъ словъ, посвященныхъ его памяти. 14-го іюня,

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

послѣ заупокойной литургіи, Преосвященнымъ же Платономъ, въ сослуженіи бывшихъ и настоящихъ учениковъ покойнаго профессора, совершено было отпѣваніе. На литургіи, во время причащенія священнослужителей, студентъ И. Тріодинъ произнесъ слово, а передъ отпѣваніемъ и во время отпѣванія говорили рѣчи ученики покойнаго: проф. Д. И. Богдашевскій, студенты К. Пономаренко, Н. Колосовъ, Е. Пановъ и, наконецъ, передъ послѣднимъ цѣлованіемъ, пишущій эти строки... Гробъ покойнаго учителя преданъ землѣ на кладбищѣ Флоровскаго монастыря, на горѣ, надъ обрывомъ, откуда открывается чудный видъ на Подолъ. Въ центрѣ картины находится Братскій монастырь съ Академіей, служенію которой была посвящена жизнь почившаго.

П. Кудрявцевъ.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Слово

предъ погребеніемъ проф. П. И. Линицкаго.

Гдѣ ти, смерте, жало; гдѣ ти, аде, побѣда (1 Кор. 15, 55).

Глубочайшій источникъ утѣшенія заключается въ этихъ словахъ, которыми апостолъ заканчиваетъ свою пламенную, вдохновенную рѣчь о воскресеніи мертвыхъ. Точно смиренный созерцатель борьбы двухъ великихъ стихій или силъ, онъ, видя рѣшительную побѣду жизни надъ смертью, радостно восклицаетъ: „гдѣ ти, смерте, жало; гдѣ ти, аде, побѣда“! И это побѣдное восклицаніе проносилось въ теченіе вѣковъ и тысячелѣтій предъ сознаніемъ человѣчества, умиротворяло всѣхъ живыхъ, плакавшихъ у дорогихъ могилъ, и витаетъ, слушатели, предъ нами теперь—въ скорбный мигъ разлуки съ дорогимъ нашимъ наставникомъ.

Велика и тяжела наша скорбь, потому что велика утрата. Закатилась одна изъ самыхъ свѣтлыхъ звѣздъ, сіяніе которой восхищало не только насъ, наполнявшихъ этотъ храмъ науки, а простиралось далеко и за его стѣны. Нѣтъ больше высокопросвѣщеннаго учителя, твердою и мудрою рукою вводившаго насъ въ царство мысли и высокихъ идей. Каждый человѣкъ по природѣ философъ, потому что почти всякій спрашиваетъ: „О, разрѣшите мнѣ жизни загадку!...

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

Зачѣмъ живу, зачѣмъ страдаю?“ Каждый хочетъ знать свое мѣсто въ необъятномъ мірозданіи, а также начало и цѣль всего окружающаго его бытія. Философія и берется удовлетворить этимъ неумолкаемымъ запросамъ духа человѣческаго. И мы всѣ жаждали философскаго просвѣщенія и мы не хотѣли быть слѣпыми въ мірѣ. Мы всѣ стояли предъ тѣмъ святилищемъ, въ которомъ собрались величайшіе мыслители и геніи — гордость человѣчества — отъ Конфуція, Пифагора, Сократа и до нашихъ дней. Безбрежное множество доктринъ и философскихъ ученій послано было изъ этого святилища въ поученіе человѣчества. Но труденъ былъ путь того, кто хотѣлъ бы безъ надежнаго руководителя отыскать такого мыслителя, который ближе другихъ стоитъ къ истинѣ—завѣтному краю желаній всѣхъ насъ, товарищи! Всякій могъ сбиться и спрашивать: „гдѣ же въ самомъ дѣлѣ истина, если такъ много разныхъ философскихъ построеній, можетъ-ли быть она достояніемъ человѣка и не есть-ли сама она—иллюзія, а жажда ея—ненормальный порывъ бѣднаго и несчастнаго нашего существа? Почившій наставникъ нашъ и былъ нашимъ руководителемъ, спасавшимъ насъ отъ безнадежнаго скептицизма, вѣщавшимъ намъ истину, вдохновлявшимъ насъ любовью къ ней. Потому и тоскуемъ мы нынѣ, что лишились дорогого наставника. Встревоженное сердце спрашиваетъ: почему нѣтъ того, кто такъ часто говорилъ о бытіи, почему не говоритъ съ нами, не слышитъ насъ, не принимаетъ участія въ нашей жизни тотъ, кто такъ настойчиво говорилъ „о назначеніи высокомъ человѣка“ и о безсмертіи?.

Слышимъ же успокоеніе! „Гдѣ ти, смерте, жало; гдѣ ти, аде, побѣда?“ Для вѣрующаго нѣтъ смерти. „Пожерта бысть смерть побѣдою!“ „Подъ крестомъ моя могила, на крестѣ моя любовь“, говоритъ вмѣстѣ съ поэтомъ христіанинъ и не вѣритъ въ смерть. Крестъ разбилъ власть смерти и кто съ крестомъ, тотъ внѣ ядовитаго дыханія смерти!

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

Вѣрующая душа въ смерти угадываетъ лишь законъ переселенія съ земли на небо и воскресеніе. Усопшій живетъ съ нами, хотя онъ и невидимъ. Пусть тѣло его скроется отъ нашихъ взоровъ въ могилу; у насъ его мысли, его слова и желанія, все его духовное существо. Пусть онъ удалился на небо; ничто не въ силахъ разлучить насъ съ тѣмъ, кого мы любимъ. Любящее сердце то же, что вселенная: ни одна планета, ни одно облако, ни одна былинка, ни одинъ солнечный лучъ не убѣжитъ за предѣлы вселенной, такъ и любящее сердце объемлетъ всегда свой объектъ. „Свѣтъ мудрости неугасимъ"—изрекъ еще древній мыслитель. Жива и вѣчна мудрость, которой онъ служилъ,—живъ ею и онъ. Онъ покинулъ землю, но стяжалъ небо; онъ разлучился съ нами, но пришелъ ко отцу міра. Онъ получилъ ту „обновку", которую желали всегда труженики во славу Божію и на пользу ближнимъ отъ Апостола Павла до Гладстона, до нашихъ дней. „Вѣмы бо, яко аще земная наша храмина тѣла разорится, созданіе отъ Бога имамы, храмину нерукотворену, вѣчну на небесѣхъ. Ибо о семъ воздыхаемъ, въ жилище наше небесное облещися желающе (2 кор. 5, 1—2)"—говоритъ апостолъ. „Я жду, не дождусь отъ Бога обновки"—говоритъ предъ смертью и мудрый англійскій труженикъ...

И не видимъ-ли мы какъ изъ года въ годъ, съ первымъ дыханіемъ весны Благой Отецъ Неба и Земли даетъ жизнь и благоуханіе фіалкамъ и розамъ, завядшимъ, какъ казалось, безслѣдно, навѣки?!..,

Итакъ, смерть не расторгаетъ связей нашихъ съ близкими нашими, не уничтожаетъ и возможности отношеній къ нимъ. Они для насъ живы, они лишь въ отлучкѣ. И какъ объ отлучившихся мы вспоминаемъ, такъ и объ усопшихъ должны помнить. Это обязанность, налагаемая на насъ любовью къ нимъ. Любовь къ отлучившимся заставляетъ насъ исполнять слова ихъ и наставленія, слѣдовать ихъ завѣтамъ, подражать ихъ примѣру. Перенесемъ эти отношенія и

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

на усопшихъ. Въ лицѣ дорогого нашего учителя сходитъ въ могилу одинъ изъ представителей стараго времени. Что дастъ намъ будущее? Оно всегда—сфинксъ и всегда лукаво... А онъ былъ человѣкомъ чести, твердыхъ правилъ, спокойнаго постоянства и истиннаго мужества. Слово его было всегда честно и цѣломудренно. Оно не льстило пороку, не облекало въ красивые наряды лжи, не проводило въ сознаніе слушателей звенящее легкомысліе, не раздражало чувственности. Будемъ же подражать его твердости, честности и прямотѣ, съ какими онъ осуждалъ все „неразумное“ и „недолжное“. Въ наслѣдіе намъ оставилъ онъ образъ свой и пусть этотъ образъ сіяетъ всегда въ глубинѣ нашего духа. Пусть онъ стоитъ тамъ, гдѣ слагаются наши рѣшенія—пружины дѣятельности, гдѣ клокочутъ наши желанія. Онъ будетъ облагораживать и тѣ и другія!... А когда горечь разлуки съ милыми намъ людьми уязвитъ наше сердце, когда на плечи наши ляжетъ тяжелое бремя и какая-либо невзгода, тогда онъ будетъ ободрять насъ

Любовь и уваженіе провожаютъ отцовъ и дѣдовъ нашихъ въ могилу, а доброе слово о нихъ облетаетъ села и города. Какъ будутъ провожать насъ и что будутъ о насъ говорить, если Господь приведетъ кого дожить до маститой старости?... Съ довѣріемъ и прилежаніемъ пчелы соберемъ воедино всѣ многочисленныя добродѣтели и почтенныя качества характера усопшаго и станемъ подражать имъ.

Теперь онъ предстанетъ предъ Небеснымъ Отцомъ. Будемъ молиться, да приметъ его Отецъ ласково и милостиво, да проститъ Онъ ему всѣ вольныя и невольныя прегрѣшенія и ошибки жизни, да дастъ Онъ душѣ его миръ и радость неизглаголанную. Молитва о немъ соединитъ насъ какъ бы золотой цѣпью, и ничто: ни смерть, ни время, ни сутолка и обыденная суета—ничто не расторгнетъ во вѣки этой несокрушимой цѣпи. Аминь.

Студентъ III курса *Иванъ Тріодинъ.*

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua